

калмыцкое письмо не было долгое время в повседневном употреблении. Вот почему мы и являемся свидетелями такого печального явления, когда люди, считающие себя грамотными по калмыцки, начинают утверждать, что калмыцкая грамота никаким законам не подчинена.

Едва ли кто будет спорить с автором, что нужна типография. В Калм. Авт. Области она есть, но нет у нас сил завести ее в эмиграции. Технику типографского дела, конечно, советуем автору изучить, ибо это знание безусловно пригодится.

Нам кажется, что автор придает чрезмерное значение эмигрантским мероприятиям в области алфавита. По нашему, волей или неволей, придется считаться и с теми фактами, которые произошли в Калм. Авт. Области. Там, например, на ихней транскрипции выходят несколько газет и журналов, издано много книг, произведена ликвидация безграмотности. Это явление серьезное. Наша малочисленная и бедная эмиграция едва ли

явится в жизни нашего народа каким-то особым решающим фактором, а потому особенно законодательствовать ей не причестовало бы. Но одно ясно, что при всяких условиях, при всяких транскрипциях или национальных письмах, нам не удастся пройти мимо знания русской грамотности, а потому, зная свою грамоту, развивая свой язык, нам нельзя окончательно махнуть рукой на русское письмо. Это говорим мы — самостийники.

Мы приветствуем нашего молодого собрата за интерес к вопросам национальной жизни. При наличии этого интереса, великая школа жизни может дать много. Попытка к собственному творчеству есть самый сильный толчок для работы ума. Мы очень хотели бы, чтобы молодые школьные товарищи Кульдинова, не отказываясь от своего увлечения физической культурой, не забывали бы великой пользы гимнастики ума.

Рдакция.

П. ПОЛЯКОВ.

ХУТОРСКОЕ.

Светлой памяти бабушки моей,
казачки Донской.

Нонче рано утром начались напасти...
— Чугунок со взваром кто перевернул?
Дунья, вишь, Фяданько, — рогачем шириула,
А Фяданька Дуньку — на загнетку пхнул!

Все им ха-хи, хо-хи, шутки - прибаутки,
Ишь ты, взяли моду, пхаться в постный день!
Бог-то, Он не стерпит! Бог — Он враз покажет...
— Оборвала Дунья юбку о плетень!

По стерне расстрялись куры и цыплята,
И заплыли утки к яме, где сомы,
На шляху собаки нищенку порвали
И поели булку хлеба из сумы!

Вот ведь наказанье! Вот Господни страсти!
Телка отязалась и пошла шшаплять,
Подушалок теткин в лужу загонгала,
В Редкодуб убегла! Где ее пмыать!

И подсвинку тоже с базу упустили.
— Чай не сам вертушку носом-то открыл...
Решето с лапшею, ирод, опрокинул,
В огороде грядки все как есть разрыл!

Проволку бы надо в нос вкрутить подсвинку,
Да сказать Фяданьке чтоб гусей стерел.
Ох! никак Пястравку Дунья не допла...
Господи Исусе! Так собьешься с ног!

Пирогы то нонче рано замесили,
А они чайов-сь то вовсе не взошли...
Самовар с угаром Дунья притащила!
Щи не доглядели, в пече ши уши!

Бархатною шалью небо ночь покрыла...
В Редкодубе ветер, прошумев, уснул...
Ветлы сказку шепчут... Месяц стал над прудом,
Серебром чеканным вербы затянул.

Это было...

было...

Вербы порубили...
Опустевший хутор занялся огнем...

Боль минувшей сказки, боль ушедшей были,
На пеньках истлевших снова обретем.

П. Поляков.

Глухая тьма в степях родимых —
Ночь вечная спустилась над ними,
Печаль и скорбь в станицах недвижных, —
Забыл их Бог, не сжалился над ними.
Умолкли песни звонкие степей,
Камыша не слышен больше шопот,
Казки в оковах без цепей —
Орлиный им невнятен клекот;
И старый Дон течет уж тише,
Катя седые волны мерно вниз.
Седую голову скользя ниже,
Родной, пока, с покорностью смирись!
Могильным сном обят родимый край;
Сыны его в потемках бродят,
Но верю я — он не умрет... Дерзай!
Желанье вольным быть героев родит!

Дарданеллы, 1922.

« П Р И З Ы В »

О край родимый, вольный,
Не знавший никогда оков,
Дай врагам ответ достойный
И будь к борьбе всегда готов.

Дарданеллы, 1922.

Мих. Мурзин.